

УДК 82

**ВЛАСТНАЯ ИЕРАРХИЯ В ПОЭМЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
«ПЕСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА,
МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА
И УДАЛОГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА»**

© Щепанова Карина Евгеньевна (2024), ORCID: 0009-0002-3718-2613, бакалавр филологии, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Российская Федерация, 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41), shchepanovak@bk.ru

Статья посвящена рассмотрению художественной интерпретации М.Ю. Лермонтовым темы власти: формальной, т.е. базирующейся на законе, и естественной, связанной с «животным» началом человека, стремлением человеческого общества к избранию вожака и подчинению сильным слабым. В статье проводится анализ поэмы М.Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» с точки зрения представленного в ней многообразия форм властной иерархии. Исследуется, как властная иерархия, предписанная христианским мировоззрением, обретает в сознании героев поэмы двойственную природу. Эта иерархия соблюдается условно, так как при тиранической форме государственной власти правитель не ограничивается ролью наместника Бога на земле. Каждый из персонажей признает предписанную христианской верой иерархию, но трактует ее по-своему и часто подменяет ее иерархией субъективной, выстроенной исходя из личных убеждений и стремлений. Религия утрачивает функцию жизненного ориентира и становится инструментом поддержания и укрепления власти тирана. Христианские законы трактуются ложно и таким образом подстраиваются под интересы царя и его окружения.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», иерархия, власть.

Тема власти пронизывает все творчество М.Ю. Лермонтова – и лирические произведения, и прозаические.

Как явление власть условно можно разделить на две категории: власть «внешнюю» и власть «внутреннюю». Последняя вытекает из внутренней природы субъекта власти. В нашем случае речь идет о связанных с властью процессах во внутреннем мире персонажей Лермонтова (это власть чувства, мысли или страсти над ними): «Вадим

имел несчастную душу, над которой иногда единая мысль могла приобрести неограниченную власть» [Лермонтов 1990, 323]. Внешняя власть – та, что не вытекает из внутренней природы субъекта. Это власть человека над человеком или государства над человеком.

Внешнюю власть, в свою очередь, можно разделить на естественную и формальную. Естественная – это власть, данная человеку самой природой, делающая его избранным. Формальная власть основана на законе.

Власть в творчестве Лермонтова можно интерпретировать как внешнее воздействие, т.е. исходящее со стороны, и как внутреннее, если дело касается духовного мира героя. В лермонтовской интерпретации власть является формой непосредственного влияния на человека или группу людей и потенциальной возможностью оказания влияния. Власть – испытующая героя сила, способная воздействовать на внешнее и внутреннее его состояние. Она нередко становится испытанием и для носителя, и для объекта воздействия.

В статье мы обратимся к написанной М.Ю. Лермонтовым в 1837 году исторической поэме «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Ключевой интерес для нас представляет двойственность властной иерархии, сложившейся в художественном пространстве произведения. Иерархия, по толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, – это «порядок подчинения низших (чинов, должностей) высшим; вообще расположение от высшего к низшему» [Ожегов, Шведова 1994].

В русской культуре наиболее значимой является иерархия, предписанная христианством как системой мировоззрения. На вершине этой иерархии находится Бог. От Него же происходит всякая земная власть, в том числе формальная. Согласно средневековым религиозным представлениям, царь – наместник Бога на земле. Далее в иерархической цепочке следует церковь, поддерживающая царя, но не служащая его интересам. В конце цепочки находится простой народ, который подчиняется прежде всего Богу, а затем царю и церкви как земным выразителям Божьей воли. В поэме «Песня про царя Ивана Васильевича...» привычная религиозному сознанию иерархия соблюдается лишь условно. Причиной тому – жажда власти и безграничного

контроля со стороны царя и его приспешников. М.Ю. Лермонтов показывает, как тирания, доведённая до крайности, оказывает разрушительное действие на все сферы человеческой жизни.

Соблюдение иерархии в обществе намечено уже в самом названии поэмы. В него вынесен формальный статус каждого из героев: царь, опричник и купец. Однако такой порядок следования противоречит их роли в повествовании. Купец Калашников – герой, выдвинутый на передний план, но упомянут он в последнюю очередь. Это единственный персонаж, который в названии имеет личностные характеристики. Он «удалой» купец, то есть обладающий безудержной смелостью. Удадь купца проявляется в готовности пойти против власти в условиях тотальной тирании. Смелый он ещё и потому, что, зная о греховности своих действий, находит в себе решимость отстоять правду и заплатить за это уже после смерти. Можно сказать, что образ купца имеет демонические черты, так как смирением, одной из христианских добродетелей, он не обладает. Удадь, как личностное качество, противопоставляет Калашникова царю и опричнику Кирибеевичу. Царь совершает злодеяния не открыто, а под маской справедливости, а опричник трусливо, втайне от царя, нападает на Алёну Дмитревну тогда, когда она менее всего защищена. Приведённая в названии иерархия построена с опорой на формальный статус, а не на морально-нравственные качества героев и их роль в повествовании. Это закономерно вызывает у читателя ощущение несправедливости, что передает один из ключевых смыслов произведения: истина и справедливость в искаженной форме – неизменные спутники тирании. Интересы одного человека подавляют интересы целого общества. Мировосприятие носителя власти становится для него единственно верным и подменяет собой все другие. Истина перестает быть вариативной. Признается (и насаждается) только та истина, в которую верит правящий монарх.

В сцене кулачного боя тоже присутствует властная иерархия, но субъективная, значимая для конкретного героя поэмы. Калашников, перед боем с Кирибеевичем, кланяется прежде всего царю, так как, вероятно, понимает, что всякая земная власть исходит от Бога. Жестокость тирана может являться наказанием для погрязшего во грехе народа и в то же время его испытанием. Затем он отдает поклон «белому Кремлю да святым церквам», как последнюю дань уважения

символам православной веры. Важно, что купец Калашников не ходит вместе с женой на вечерню, что может означать, что он считает богослужение лишь обрядом, а служителей церкви — преданными царю, а не Богу. Купец признает церковь, но не священнослужителей. В последнюю очередь купец кланяется русскому народу. Опричник Кирибеевич кланяется только царю, признавая его первостепенную для него, Кирибеевича, значимость.

Ещё одна субъективная властная иерархия прослеживается в сцене прощания Калашникова с братьями. От своего имени он просит поклониться прежде всего Алёне Дмитриевне. Затем он упоминает детей, просит поклониться дому родительскому, своим товарищам и просит помолиться в церкви за свою грешную душу. Церковь упомянута в последнюю очередь, не потому, что она является символом Божьей власти на земле, а потому, что Калашников просит помолиться именно за себя. Таким образом, в конце иерархии оказывается сам Калашников, а над ним — все те, кто ему дорог.

«Песня...» была изучена множеством литературоведов в разных аспектах. В контексте избранной нами темы обратимся к исследованиям, которые так или иначе соотносятся с основными положениями нашей статьи. Кроме того, учитывая, что специфика лермонтовской интерпретации эпохи правления Ивана Грозного не может быть определена только посредством анализа «Песни...», мы будем проецировать их и на поэму «Боярин Орша» (1836).

Н.Г. Комар в статье «Проблема семьи в поэме М.Ю. Лермонтова "Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова"» [Комар 2015] обращает внимание на зачин поэмы: «Мы певали ее (песню) под гуслирный звон / И причитывали да присказывали. / Православный народ ею тешился» [Лермонтов 1988, 515]. В зачине песня о трагической судьбе купца, отстаивавшего честь своей семьи, преподносится как нечто развлекательное, предназначенное для увеселения простого народа. Также в тексте упоминаются жестокие кулачные бои, которые тешат не только народ, но и «царя-батюшку». Названные развлечения не соответствуют христианскому образу жизни. Из чего следует, что в поэме не отображены особенности настоящего религиозного миропонимания. Стоит учитывать и второе значение слова «тешиться»: «утешиться», «успокоить чем-н.

радостным, облегчить кому-н. горе» [Ожегов, Шведова 1994]. Двойственность понимания зачина, по мнению исследователя, является намеренной. Таким образом М. Лермонтов иронизирует, изображая христианские идеалы, по которым якобы живут персонажи, и не соответствующую им мрачную действительность. Добавим, что слушателем песни является боярин Ромодановский, а кулачные бои организованы правящей верхушкой. Можно сделать предположение, что это вынужденные развлечения простого народа, навязанные властью для устрашения и превращения жестокости в часть обыденной жизни. Перед казнью купца царь говорит: «Я топор велю наточить-наострить, / Палача велю одеть-нарядить, / В большой колокол прикажу звонить, / Чтобы знали все люди московские, / Что и ты не оставлен моей милостью...» [Лермонтов, 1988, 527]. Казнь совершается по сценарию праздника, как яркое и положительное событие. Даже палач, потирая в предвкушении руки, «весело похаживает, / Удалова бойца дожидается» [Лермонтов 1988, 527].

Д.П. Попова сравнивает точку зрения Н.М. Карамзина на фигуру Ивана Грозного с точкой зрения М.Ю. Лермонтова. Н.М. Карамзин в «Истории Государства Российского» описывал Ивана Грозного корыстолюбивым тираном, лишившим безопасности все слои общества. Образ Грозного в «Песне...» менее однозначен: «В поэме Лермонтова он, будучи самодержавным венценосцем, применяет силу, которая не равна произволу, так как не выходит за рамки государственных законов и народных обычаев того времени. Недаром Иван Васильевич – "православный царь", ощущающий свой высокий статус через служение Богу и отечеству» [Попова 2017, 177]. Исследователь «оправдывает» царя, упоминая, что тот не нарушает христианского закона, когда предлагает обманувшему его Кирибеевичу посвататься к поправившейся девушке; не нарушает он и государственного закона, когда казнит убийцу любимого опричника. Совершив убийство, купец Калашников не следует Божьей заповеди «не убий». По православным обычаям убийц хоронили в безымянной могиле, поэтому и здесь царь не совершает преступления против Божьего и государственного закона. Исследователь приходит к заключению, что М.Ю. Лермонтов демонстрирует неприглядность опричнины посредством создания образа «лукавого раба» Кирибеевича, а не царя Ивана Васильевича.

Мы не можем согласиться с оценкой Д.П. Поповой. Опричнина – явление, не существующее в отрыве от царской фигуры. Опричники лишь отражение духовного облика самого Ивана Грозного. Приближенные царя – инструмент, необходимый для расправы с неугодными. Высокие морально-нравственные идеалы могут стать препятствием при исполнении приказов, потому что заставляют человека сомневаться в правильности происходящего. Так, Калашников, верующий человек, решив убить опричника и сподвигнув братьев помочь ему в этом, задумывается о правильности такого поступка перед лицом Всевышнего. Говорит он и об иерархии верующих людей перед Богом. В его представлении учитывается количество грехов, совершенных человеком при жизни. Исходя из этого, он надеется, что его братья, прожившие на земле меньше него, могут получить помилование от Всевышнего, даже если пойдут на убийство. При этом реакция царя не является для купца значимой, так как он, вероятно, понимает, чем закончится убийство опричника, и не испытывает по этому поводу никаких надежд. По этой же причине он размышляет о грехах братьев, так как в случае убийства опричника их, несомненно, ожидает казнь и нагрешить больше они не успеют. Иван Грозный и Бог противопоставлены друг другу: от Всевышнего можно ожидать помилования, а от царя – нет.

Именно поэтому, с нашей точки зрения, можно заключить, что взгляды Н.М. Карамзина и М.Ю. Лермонтова не отличаются по своей сути. В поэме царь не следует христианскому и государственному законам, а подстраивает их под себя, интерпретируя таким образом, чтобы вершить свою жестокую волю под личиной справедливости. Нельзя с точностью утверждать, что царь казнит Калашникова именно за убийство, т.е. за совершение греха. Он спрашивает о причинах такого поступка, оставляя за собой решение: казнить или миловать. Царь, взяв на себя роль Бога, считает, что вправе определять, в каких случаях убийство может быть приемлемым, а в каких – нет. Совершение греха является допустимым, но с царского позволения, а лучше по царскому приказу, так как в глазах тирана самоуправство является гораздо большим преступлением, чем убийство. Именно поэтому Иван Грозный мог казнить купца только за то, что тот действовал по собственной воле. Свершив преступное деяние, купец говорит,

что только перед Богом будет держать ответ. Таким образом он отнимает у царя право судить и нарушает сложившуюся тираническую иерархию, ставя Бога выше царя.

А.В. Кузнецова считает закономерным интерес романтиков к далекому прошлому [Кузнецова, 2017]. Это позволяет поэту определить истоки современных проблем в национальной культуре. Исследователь отмечает трагизм возникшего между Кирибеевичем и Калашниковым конфликта. Смерть героев – его закономерный итог. Калашников становится воплощением национального характера, а Кирибеевич – катализатором лучших его качеств. В повествовании Кирибеевич не ограничен ролью антипода купца Калашникова: «Можно также предположить, что поэма Лермонтова имплицитно сатирическая, своей целью имеет не только репрезентацию онтологически значимого конфликта личности и власти, но и современную поэту российскую действительность. Автор, показывая Кирибеевича как отрицательного романтического героя, демонического по своей сути, утверждает, что царю нужны подданные, слепо подчиняющиеся его воле, при этом государю не важна их нравственность, они часто не имеют понятия о культурном коде России, о фундаменте ее культуры» [Кузнецова 2017, 55].

Л.В. Миронова, изучая портретные характеристики персонажей, прослеживает зависимость внешнего облика героя от его поведенческих особенностей в произведениях устного народного творчества [Миронова, 2016]. Отрицательный герой не может иметь привлекательную внешность. Лермонтов отходит от фольклорной традиции и наделяет Кирибеевича красивой богатырской внешностью. Опричник тяготеет к щегольству. Добавим, что желание красоваться становится главной слабостью героя, подчинившей его царю и заставившей совершить богопротивное деяние. Власть Грозного над Кирибеевичем строится на том, что царь с легкостью удовлетворяет материальные потребности опричника. В нем возвращалось представление о том, что он может получить все, чего захочет, если будет верен своему господину. Именно недоступность Алёны Дмитриевны привлекает внимание Кирибеевича, а привычка получать желаемое становится причиной нападения на беззащитную женщину. Отметим и то, что при встрече с любимой он в первую очередь говорит о своем происхождении и служении царю: «Я не вор какой, душегуб лесной, / Я слуга

царя, царя грозного. / Прозываюся Кирибеевичем, / А из славной семьи из Малютиной...» [Лермонтов 1988, 521]. Здесь проявляются его желание производить впечатление и недобрые намерения. Он подразумевает, что его положение обеспечивает ему могущество и богатство. Помимо этого, таким образом он может пытаться вызвать в Алене Дмитриевне страх, опасение гнева царя, который последует, если она не угодит опричнику.

Иван Васильевич – не просто действующее лицо произведения, имеющее исторический прототип. Он воплощение царизма, самодержавия во всей его неприглядности, подозрительности и тяге к карательным мерам. Он угрожает расправой любимому опричнику, не имея серьезных оснований заподозрить его в измене. Он беспощаден по отношению к купцу, у которого есть молодая жена и маленькие дети. Перед боем Калашников говорит, обращаясь к Кирибеевичу: «А зовут меня Степаном Калашниковым, / А родился я от честнова отца, / И жил я по закону Господнему: / Не позорил я чужой жены, / Не разбойничал ночью темною, / Не таился от свету небесного...» [Лермонтов 1988, 525]. Царь мог слышать эти слова и догадаться о причинах конфликта, но при этом не смягчил приговор.

Поэма передает дух эпохи тотальной тирании. Происходит дегуманизация общества. В мире, где жестокость, насилие и верноподданничество встречаются повсеместно и не вызывают порицания, народ теряет способность сопереживать. Люди, увидев, как опричник напал на замужнюю женщину, насмехаются над ней; Кирибеевич, не волнуясь о чувствах Алёны Дмитриевны, любимой им женщины, совершает над ней насильственные действия; купец Калашников не утешает детей, плачущих из-за долгого отсутствия матери, а, увидев растрепанную испуганную жену, начинает запугивать и обвинять ее в не совершенных ею преступлениях. Царская модель поведения передается не только ближайшему окружению Ивана Васильевича, но и простому народу, который выстраивает властную иерархию в межличностных отношениях.

В поэме люди, наделенные властью, используют три управленческих инструмента.

Первый из них – манипуляция посредством превращения веры в бездумный фанатизм. Нормы морали и религиозной нравственности корректируются в угоду царю, чтобы не ограничивать его власть, а

укреплять ее. Таким образом, носитель власти якобы действует от имени Бога и находится ниже Его по положению. При этом любое волеизъявление царя преподносится как заведомо богоугодное и потому не может быть оспорено. На кулачных боях от имени царя произносятся следующие слова: «Кто побьет кого, того царь наградит, / А кто будет побит, тому Бог простит!» Бои устраиваются с целью «потешить царя нашего батюшку», но преподносятся они как праведное деяние. Манипуляция действует так, что в сознании народа закрепляется мысль о том, что пойти против царя – значит пойти против Бога. Помимо этого, внедряется представление, согласно которому на земле высшей властью обладает царь, а на небесах – Бог. Отсюда рождается двойственность понимания властной иерархии в сознании человека: Бог – единственный и главный носитель власти, но пока человек жив, царь для него должен быть значимее, чем Бог. Кулачный бой устроен таким образом, чтобы донести до людей идею того, что царю должны поклоняться живые, т.е. победители, а Богу – мертвые, т.е. проигравшие.

Из-за нарциссического миропонимания тиран может и сам верить, что действует с одобрения высших сил. На пиру Иван Грозный угощает приспешников заморским вином. Несмотря на то что пируют опричники «во славу Божию», царь требует восхваления именно своей фигуры, что явственно указывает на истинные цели праздника: поддержание царской власти и выявление потенциальных изменников. Это подтверждает гнев Грозного, вызванный тем, что Кирибеевич не разделяет общего поклонения царю. Опричники получают царский дар и должны отвечать раболепием, будто продавая таким образом свою душу. Ибо пиршество Грозного – извращенная версия Тайной Вечери, где Иисус угощал вином своих учеников. На Тайной Вечере Сын Божий не устрасился неминуемой измены, тогда как Грозный, напротив, опасается ее более всего. Царь стыдит Кирибеевича, напоминая, что он не просто опричник, а из рода Скуратовых. Малюта Скуратов – известная в народе фигура, ставшая символом царской расправы. Вероятно, того же – слепой верности и готовности исполнить любой приказ – Грозный ожидает и от Кирибеевича.

Второй управленческий инструмент – подкуп. В поэме неоднократно упоминаются богатства, которыми царь окружил себя и ода-

рил своих слуг. В статье «"Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и купца Калашникова": аспекты эпической типологии» Г.Ю. Филипповский пишет: «с 1837 года в своей средневековой по теме поэме "Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова" впервые поэтом в его творчестве широко привлечён мотив "золото" <...> Тема "золото" весьма частотна в "Слове" («Слово о полку Игореве» – К.Щ.) и "Беовульфе", сопровождает образы оружия героев, снаряжения <...> княжеских палат <...> Конечно, все 11 случаев употребления мотива "золото" в "Песне про... купца Калашникова" касаются исключительно бытового контекста, никак не военно-героического, как в "Слове" и "Беовульфе"» [Филипповский 2016, 59].

В поэме упоминается не только золото, поэтому этот мотив мы обозначим как мотив «роскошь». В произведении Лермонтова мотив роскоши связан с бытовой сферой, потому что таким образом автор передает неумную жадность власть имущих. Царское окружение представляет напоказ свою зажиточность: «А боярыня его белолицая / Поднесла нам на блюде серебряном / Полотенце новое, шелком шитое» [Лермонтов 1988, 515]; «Как я сяду поеду на лихом коне / За Москву-реку покатайся, / Кушачком подтянуса шелковым, / Заломлю на бочок шапку бархатную, / Черным соболем отороченную» [Лермонтов 1988, 517]. О том, что таким образом царь покупает верность людей, мы можем судить, исходя из его собственных слов: «Да об чем тебе молодцу кручиниться? / Не истерся ли твой парчевой кафтан? / Не измялась ли шапка соболиная? / Не казна ли у тебя поистратилась?» [Лермонтов 1988, 517]; «Ну, мой верный слуга! Я твоей беде, / Твоему горю пособить постараюсь. / Вот возьми перстенок ты мой яхонтовый, / Да возьми ожерелье жемчужное» [Лермонтов 1988, 518]. Грозный удовлетворяет потребности своих рабов и тем самым сохраняет власть над ними. Этот способ обретения власти над человеком перенимает опричник Кирибеевич. Так, он искушает Алёну Дмитриевну, предлагая ей золото, жемчуг, драгоценные камни и цветную парчу. Он пытается купить ее любовь, как царь покупает верность своих приближенных. Кирибеевич обещает, что оденет ее как царицу и все будут ей завидовать. Это предложение выдает его собственное отношение к богатству: оно необходимо, чтобы вызывать зависть в окружающих и тем самым возвышаться над ними.

Подкуп упоминается и в поэме «Боярин Орша» Лермонтова, действие которой происходит во времена правления Ивана Грозного. Вначале поэмы главный герой произведения был щедро одарен за хорошую службу: «Важный сан / Дал Орше Грозный Иоанн; / Он дал ему с руки своей / Кольцо, наследие царей; / Он дал ему в веселый миг / Соболю шубу с плеч своих; / В день воскресения Христа / Поцеловал его в уста / И обещался в тот же день / Дать тридцать царских деревень / С тем, чтобы Орша до конца / Не отлучался от дворца» [Лермонтов 1988, 430]. Орша решил покинуть царский двор, ссылаясь на то, что стал слишком стар, чтобы «обиду выместить врагу» [Лермонтов 1988, 431]. Так как он потерял способность выполнять свою главную обязанность, Иван Грозный отпускает его.

Можно сделать предположение, что Орше позволили уйти, потому что его можно заменить, т.е. при дворе достаточно таких людей, как он. Царь уверился в его преданности за долгие годы службы и потому хотел держать при себе. Вероятно, Орша следовал идеям опричнины, потому что разделял их, но окружение царя, служащее ему только с надеждой на выгоду, разочаровало боярина: «Орша нравом был угрюм: / Он не любил придворный шум, / При виде трепетных льстецов / Щипал концы седых усов, / И раз, опричным огорчен, / Так Иоанну молвил он» [Лермонтов 1988, 430–431].

Вернувшись домой, Орша «покои темные кругом / Уставил златом и серебром; / Икону в ризе дорогой / В алмазах, жемчуге, с резьбой / Повесил в каждом он углу, / И запестрелись на полу / Узоры шелковых ковров» [Лермонтов 1988, 431]. Здесь обозначена еще одна особенность духовного облика власть имущих: стремление превратить религиозную атрибутику в элемент роскоши. Возможно, таким образом Орша и ему подобные пытаются «угодить» Богу и «откупиться» от возмездия за свои грехи. Однако от этого иконы не становятся ничего не значащим символом (ибо, как известно, Бог поругаем не бывает), а, напротив, будто осуждают боярина Оршу за его деяния и образ жизни: «Висят над ложем образа; / Их ризы блещут, их глаза / Вдруг оживляются, глядят – / Но с чем сравнить подобный взгляд? / Он непонятней и страшней / Всех мертвых и живых очей!» [Лермонтов 1988, 432].

Даже родная дочь воспринимается Оршей не как полноценный человек, а как объект, которым можно владеть. Именно поэтому он,

узнав, что дочь и конюх любят друг друга, решает жестоко расправиться с обоими. Влюбленные совершили немыслимое преступление — поставили под сомнение власть Орши. Прежде слуги боялись его и безропотно подчинялись, но Арсений осмелился посягнуть на то, что было для него ценнее всех царских даров. Дочь Орши, полюбив конюха, действует по собственной воле и тем самым идёт против отца. Орша расправляется с ней как с ненужной вещью: «Боярин к двери подошел; / В последний раз в нее взглянул, / Не вздрогнул, даже не вздохнул / И трижды ключ перевернул / В ее заржавленном замке... / Но... ключ дрожал в его руке!» [Лермонтов 1988, 437]. Дрожь в руках, вероятно, вызвана яростью, а не состраданием. Ключ от двери выбрасывает в море слуга Орши. Обрекая родное дитя на мучительную смерть от голода и жажды, Орша не чувствует жалости или раскаяния. Очевидно, что модель поведения опричников, их умение «обиду выместить врагу» распространяется и на семейно-бытовые отношения. Точно так же купец Калашников угрожает запереть жену, чтобы она божьего света не видела. Братьев он склоняет к совершению тяжелейшего греха, а они соглашаются, потому что «Куда ветер дует в поднебесьи, / Туда мчатся и тучки послушные» [Лермонтов 1988, 523], «Ты наш старший брат, нам второй отец» [Лермонтов 1988, 523].

В семье иерархия выстраивается так: жена подчиняется мужу, дочери и сыновья — отцу, младшие братья — старшему. Калашников менее жесток, чем Орша, и власть его основана не только на праве сильного, но и на авторитете в глазах тех, кто ему подчинен. Отметим, что ни Алёна Дмитриевна, ни братья не ставят Бога выше Калашникова. Совесть Алёны Дмитриевны перед Богом чиста, но она все равно хочет очистить свое имя перед мужем и обществом, а братья соглашаются на убийство по просьбе старшего.

Возвращаясь к поэме «Боярин Орша», уделим внимание такому персонажу, как игумен-отец: «Сорок лет / Уж он не знал, что божий свет; / Но ум его был юн, богат, / Как сорок лет тому назад»; «И крест держал перед собой; / И крест осыпан был кругом / Алмазами и жемчугом. / И трость игумена была / Слоновой кости, так бела» [Лермонтов 1988, 440]. Игумен берется судить слугу Орши, Арсения. Он судит Арсения, пытаясь, видимо, угодить его господину, а не оценить поступок провинившегося с точки зрения христианской нормы и морали. Игумен считает любовь, которую испытывает Арсений к дочери

Орши, грехом. «Богохулитель, удержись! / Пади на землю, плачь, молись, / Прими святую в грудь боязнь... / Мечтанья злые – божья казнь! / Молись ему...» [Лермонтов 1988, 444–445], – говорит он. Но Арсений не совершил ничего противного Богу, поэтому ему не в чем каяться. Рабское унижение и страх нужны именно боярину Орше, который желает покорить дух Арсения, увидеть его унижение. Именно этому, по сути дела, и способствует игумен.

Последний управленческий инструмент – насилие и физическая расправа. Царь Иван Васильевич казнит неугодных, боярин Орша обрекает на смерть родную дочь и намеревается добиться казни ее возлюбленного, Кирибеевич нападает на любимую женщину, Калашников убивает человека, опорочившего честь его семьи.

Обратим в этой связи внимание на образы птиц в поэме. Грозный в поэме сравнивается с коршуном, а Калашников – с соколом. Это хищные птицы, ставшие в поэме символами власти. Хищные птицы в Библии – символы суда и разрушения. Грозный и Калашников в поэме так или иначе вершат суд над другими людьми и оба несут разрушение. Коршун считается у христиан нечистой птицей, так как он питается мертвечиной и присутствует на полях сражений, где и добывает еду. Он символ жестокости, хищничества и коварства. Сокол в фольклоре олицетворяет превосходство и сильный дух. У славян эта птица – символ силы, мужества, доброго молодца. Однако суть у этих птиц одна: они, как мы уже сказали, хищники.

Описанная в поэме властная иерархия не соответствует положению вещей, согласующемуся с христианским мировоззрением. Тиранин использует религию как один из способов удерживать власть. Царь и ему подобные покупают верность своих людей и откупаются от Бога, славя Его и превращая религиозную атрибутику в элемент роскоши. Они жестоко расправляются с неугодными, а особенно с теми, кто способен проявить собственную волю. Власть держится на страхе и на первобытных понятиях о праве сильного. Люди, не способные дать отпор, становятся в таком обществе совершенно беззащитными. Модель поведения тирана, как болезнь, распространяется от власти имущих до низших слоев общества. Люди становятся врагами друг другу. В поэмах Лермонтова «Боярин Орша» и «Песня про царя Ивана Васильевича...» изображено моральное разложение угнетенного общества, которое коснулось, в той или иной степени, каждого человека.

Источники

Лермонтов 1988 – Лермонтов М. Ю. *Сочинения в двух томах. Том первый*. М., 1988.

Лермонтов 1990 – Лермонтов М. Ю. *Сочинения в двух томах. Том второй*. М., 1990.

Ожегов, Шведова 1994 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений*. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 20.03.2024).

Литература

Комар 2015 – Комар Н.Г. *Проблема семьи в поэме М.Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»* // Ученые записки Казанского университета. 2015. Т. 157, кн. 2. С. 115–123.

Кузнецова 2017 – Кузнецова А.В. *Эстетическая когниция русского романтизма: национальное и индивидуальное* // Русистика без границ. 2017. № 4. С. 51–56.

Миронова 2016 – Миронова Л. В. *Портретная характеристика героев в «Песне про купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова* // Материалы научной сессии Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ». Борисоглебск, 2016. С. 65–67.

Попова 2017 – Попова Д.Н. *Иоанн Васильевич Грозный и быт эпохи в «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина и в «Песне про купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова* // Мир культуры: культуроведение, культурография, культурология. Сборник научных трудов. Выпуск 8. Курск, 2017. С. 176–178.

Филипповский 2016 – Филипповский Г. Ю. *«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»: аспекты эпической типологии* // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 6. С. 55–60.

POWER HIERARCHY IN MIKHAIL LERMONTOV'S POEM "A SONG ABOUT TSAR IVAN VASILIEVICH, THE YOUNG OPRICHNIK AND THE VALOROUS MERCHANT KALASHNIKOV"

© **Shchepanova Karina Evgenievna** (2024), ORCID: 0009-0002-3718-2613, Bachelor of Philological Sciences, Novgorod State University. Yaroslav the Wise (Russian Federation, 173003, Veliky Novgorod, Bolshaya St. Petersburgskaya str., 41), shchepanovak@bk.ru

The article is devoted to the consideration of Mikhail Lermontov's artistic interpretation of the theme of power: formal, i.e. based on the law, and natural, associated with the "animal" nature of man, the desire of human society to elect a leader and subjugate the weak to the strong. The article analyses the poem

by Lermontov "A Song About Tsar Ivan Vasilyevich, the Young Oprichnik and the Valorous Merchant Kalashnikov" from the point of view of the variety of forms of power hierarchy presented in it. The article explores how the power hierarchy prescribed by the Christian worldview takes on a dual nature in the minds of the heroes of the poem. This hierarchy is observed conditionally, since in a tyranny the ruler is not limited to the role of God's viceroy on earth. Each of the characters recognises the hierarchy prescribed by the Christian faith, but interprets it in their own way and often replaces it with a subjective hierarchy, built on the basis of personal beliefs and aspirations. Religion loses its function as a life guide and becomes a tool for maintaining and strengthening the power of the tyrant. Christian laws are interpreted falsely and thus adjusted to the interests of the monarch and his entourage.

Keywords: Mikhail Lermontov, "A Song About Tsar Ivan Vasilyevich, the Young Oprichnik and the Valorous Merchant Kalashnikov", hierarchy, power.

Поступила в редакцию 1.04.2024